

Александр Куприн

Психея

Александр Куприн

Психея

«Public Domain»

1892

Куприн А. И.

Психея / А. И. Куприн — «Public Domain», 1892

«23-го ноября. Мне каждый мог бы задать очень простой вопрос: для чего я опять принялся за дневник, который начал и бросил лет пять тому назад? И в самом деле, нет ничего смешнее мысли писать дневники и автобиографии. Во-первых, смешно уже то, что у всех у них одинаковое начало: первым долгом сочинитель всеми святыми божится, что пишет не для публики, а исключительно для своего личного удовольствия. Для того, чтобы я, мол, уже будучи маститым старцем, убеленным сединами и окруженным толпою розовых малюток, мог опять пережить и перечувствовать то, что чувствовал некогда цветущим юношей, и чтобы одинокая слеза воспоминания... или как это обыкновенно пишут в этих случаях?..»

© Куприн А. И., 1892

© Public Domain, 1892

Александр Иванович Куприн Психея

23-го ноября. Мне каждый мог бы задать очень простой вопрос: для чего я опять принялся за дневник, который начал и бросил лет пять тому назад? И в самом деле, нет ничего смешнее мысли писать дневники и автобиографии. Во-первых, смешно уже то, что у всех у них одинаковое начало: первым долгом сочинитель всеми святыми божится, что пишет не для публики, а исключительно для своего личного удовольствия. Для того, чтобы я, мол, уже будучи маститым старцем, убеленным сединами и окруженным толпой розовых малюток, мог опять пережить и перечувствовать то, что чувствовал некогда цветущим юношей, и чтобы одинокая слеза воспоминания... или как это обыкновенно пишут в этих случаях? И начинает гарцевать и рисоваться, да еще по дороге к этим почтенным сединам он тридцать раз перечитывает свои воспоминания, никому, кроме него, не интересные, и перечитывает непременно какому-нибудь застенчивому и воздушному провинциальному созданию, которое будет трепетать от наплыва неизведанных ощущений и потихоньку до слез зевать в платок. Как это, ей-богу, гадко, что самые умные люди готовы смаковать свои личные мелочно-интимные ощущения и находить в них особенный вкус и толк!

Что касается меня, то дневник этот мне чрезвычайно важен, и читать я его никому уже, конечно, не буду.

Сегодня доктор сказал мне, что при том образе жизни, который я веду последние три года, то есть при постоянных голодовках, бессонницах и непосильной, почти лошадиной работе, у меня может произойти переутомление нервной системы. Как этот модный доктор ни миндальничал за мои кровные пять рублей (он даже советовал мне в Крым ехать для развлечения, а мне не на что калош себе купить!), однако я очень хорошо понял, что мне грозит сумасшествие. Тем более, что все мои почтенные предки были страстными алкоголиками и безумцами. В эту тетрадь я буду записывать все свои мыслишки до тех пор, пока не замечу уже слишком явных несообразностей. А тогда... Тогда либо в больницу, либо, если хватит воли, пулю в лоб.

26-го ноября. Чья это несправедливость? Я безусловно обладаю сильным и оригинальным талантом; перед собой-то мне уж рисоваться незачем. В этом убеждении меня укрепляет, конечно, не золотая медаль, присужденная мне академическим советом, с которым я имею основание расходиться во взглядах на искусство, и не отзывы газетных критиков. Я уже не мальчик и умею оценить все это по достоинству, потому что «людская честь бессмысленна, как сон». Но я чувствую в себе присутствие мощного, напряженного творчества, взгляд мой быстро и точно улавливает мельчайшие детали предметов; наконец, мне никогда еще не приходилось насиловать своего воображения, чем так страдают художники в погоне за темами. Исполинские мысли, одна другой смелее и оригинальнее, так переполняют мою голову, что мне иногда становится за нее страшно. Но, что всего важнее, я во время процесса творчества, точно в религиозном экстазе, ощутительно познаю в себе сладкое присутствие моего неведомого бога. Голова моя пылает, по спине бегают холодные волны, волосы мерзнут и шевелятся на голове, дух мой ликует. А насмешливая судьба, точно нарочно, поставила меня в грустную невозможность воплотить до конца хоть один из этих дорогих мучительных образов. Погоня за куском насущного хлеба несовместима со свободным творчеством! Приходится с опасностью для жизни и рассудка лавировать между мечтами и славой и перспективой голодной смерти. Голод – самая плохая пища для вдохновения. Но ведь не могу же я с моим неудержимым полетом фантазии, с тем внутренним кипением, которое меня изнуряет, не могу же я сделаться писарем или сапожником!!

27-го ноября. Сегодня как раз я окончил двенадцатого Пушкина. Я так наловчился их лепить, что могу работать с закрытыми глазами, и все они похожи один на другого, как близнецы. Пушкиных теперь охотно разбирают, по случаю какого-то пятидесятилетия, но хозяин магазина, куда я поставляю статуэтки, недоволен моей работой. «У вас, – говорит он сурово, – нет совсем разнообразия, нам нужны разные серии. У публики пестрые вкусы».

Меня иногда схватывает тошнота при мысли, что приходится размениваться на эту черную поденную работу. Я с ужасом вижу, как после недели работы над иным надгробным бюстом в профилях моих античных борцов начинают появляться тяжелые, геморроидальные черты, напоминающие лицо начальника департамента или купца первой гильдии. Но что же делать, если десять-двадцать рублей позволяют мне в продолжение целого месяца быть хозяином моего вдохновения?

28-го ноября. Почему-то принято всеми, что пьяный человек близок к идиотскому состоянию. Поразительно неверное заключение! Я должен, между прочим, сознаться, что пить водку вошло для меня в привычку именно на этой проклятой квартире, которую хозяйка из экономии и благодаря моей неаккуратности почти совсем не топит. Сначала я ограничивался двумя или тремя рюмками, чтобы согреться, но потом это количество перестало меня удовлетворять. Теперь я пишу почти пьяный. Мысль работает страшно сильно и притом с удивительной точностью: постигает такие тонкие подробности своих ощущений, которые трезвый ум непременно выпустит из виду.

Только вот язык и ноги не повинуются, и глаза плохо слушают: именно все предметы теряют резкие очертания и как будто засыпаны песком. Но это ничего не значит: известно, что многие великие мастера создавали свои бессмертные произведения в том самом состоянии, в котором я теперь нахожусь. Я хотел сегодня работать: у меня есть в виду одна важная вещь, но пролежал на том собачьем ложе, которое хозяйка зовет кушеткой, и мечтал о славе.

29-го ноября. Я проснулся ровно в полдень со страшною головою болью. Странный сон снился мне этой ночью. Я видел себя стоящим где-то на окраине города. По всей вероятности, была осень. Ветер гудел в телеграфных столбах; мелкий, но необыкновенно частый и холодный дождь застилал все предметы тускло-серым покровом. Начинало смеркаться, и сердце мое сжималось ожиданием несчастья...

Вдруг сзади меня послышался топот нескольких десятков лошадиных ног. Я обернулся назад и увидел странное зрелище: десять или двенадцать всадников, одетых с ног до головы в черные одежды, мчались попарно со страшною быстротой; на их громадных лошадях были надеты черные попоны с круглыми отверстиями для глаз. Всадники неслись быстро, не оборачиваясь ни назад, ни в стороны. Каждый из них держал в руке смоляной факел, который горел красным, сильно коптящим пламенем. Я понял, что кого-то хоронят, и действительно, из-за угла тотчас же показался катафалк, который три пары траурных лошадей везли так скоро, что не отставали от всадников. Черный гроб весь был завален яркими пунцовыми розами. Я побежал за этой страшной процессией и вскоре очутился вместе с ней на кладбище. Это было чрезвычайно печальное место: обнаженные деревья скрипели и качались, роняя на землю холодную воду; пахло сырой землею и гниющими на ней желтыми листьями.

Всадники сняли гроб и начали опускать его в яму, но верхняя крышка не была закрыта, и я увидел в нем мраморную статую, изображающую девушку необыкновенной, божественной красоты. Она покоилась на ложе из яркой зеленой травы и вся сплошь была одета красными розами и камелиями. Не знаю сам, каким образом, но я сразу узнал ее – это была спящая Психея!

Я кинулся к людям, опускавшим гроб, и кричал и плакал, уверяя, что лежащая в гробу – жива; они захохотали и грубо оттолкнули меня. Но я опять пробился к гробу, обхватил руками прекрасное холодное тело и очутился вместе с ним в могиле. Сверху посыпалась земля... все больше и больше...

Наконец мне нечем стало дышать, я хотел крикнуть, – но мой голос звучал шепотом; я сделал отчаянное движение и проснулся.

30-го ноября. Сегодня опять день пропал даром. Мои «Борцы» мне вдруг ни с того ни с сего опротивели; не могу я видеть этих здоровых, грубых мускулов! Для чего же, спрашивается, в таком случае я их с любовью вынашивал целые месяцы, для чего ходил на морозовскую фабрику, где за двугривенный заставлял бороться фабричных парней? Но зато весь день я думал о той дивной статуе, с которой вместе лежал в могиле. Где же я раньше видел это прекрасное, спокойное лицо, это тело, нежное, как у девочки, с едва обозначавшимися формами груди, гибкое и грациозное, в то же время наивное во всей своей наготе? И почему же это непременно Психея, а не Дафна или не Флора? Меня интересует психология сна, и я много читал по этому предмету. Я очень хорошо знаю, что во сне нельзя увидеть ничего такого, чего когда бы то ни было не видал в действительности. Стало быть, и я мою Психею должен был видеть.

Но где же? Я перебираю в уме всех классиков и положительно не могу припомнить. Странно знакомое лицо, но описать его нет никакой возможности: что-то прекрасное в высшей степени и в то же время донельзя простое! Когда я хочу вызвать его в памяти – оно не является, но стоит мне хоть на секунду задуматься о чем-нибудь другом, оно вдруг так и всплывает перед глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.